

С давних пор земля для литовцев была не только материальной, но и значимой духовной ценностью. Она ассоциировалась с богатым урожаем (особенно зерновых культур), была гарантом выживания и вместе с тем являлась символом постоянства, прочной основы бытия. Также у литовцев была, как нетрудно догадаться, богиня по имени Жемина (*Žemyna*, произв. от лит. *žemė* 'земля'), которая заботилась о земле и обеспечивала её плодородие. Несмотря на то, что Жемина не обладала антропоморфным обликом и воспринималась именно как земля, уже с XVI в. она в большинстве письменных источников характеризуется как одно из основных древних литовских божеств.

В большей части фольклорных дискурсов, особенно связанных с земледельческой темой, Жемина / Земля расцениваются как священные реалии и даже как объект культа. В статье рассматривается вопрос, на самом ли деле Жемина и Земля в древнем народном мировосприятии были связаны с концепцией божественного начала в его народном понимании; также автор стремится установить, как именно воспринималась божественная сущность Жемины.

Собственно земля и её богиня плодородия Жемина являются тесно связанными между собой понятиями. С семантической точки зрения между Жеминой и землёй (т. е. относительно определяемого этими словами содержания — денотата) может быть поставлен знак равен-

ства — разумеется, с учётом конкретного контекста употребления данных понятий. С одной стороны, Жемина может означать «земля»; с другой стороны, земля, если для неё предназначены ритуалы с обращённой к адресату речью, является той же самой Жеминой. Просто принято считать, что в религиозном и мифологическом пространстве обычно употребляется лексема Жемина. Однако и земле контекст подобного характера придает религиозную нагрузку. Поэтому мы придерживаемся следующей методологической установки — связывать эти два понятия как слова, способные обозначать мифологизированную и персонифицированную Жемину / Землю.

Жемина, обычно воспринимаемая как земля, а значит — как материальная субстанция, при этом представлялась нашим предкам некоей сущностью, обладающей сверхъестественной иррациональной силой. Благодаря этому признаку, который является основой её божественного начала, Жемина и относится к божествам. То, что земля наделена божественным началом, заметил ещё в XVII веке историк М. Преторий. Он утверждал, что потомки древних пруссов (пруссы — западно-балтийский этнос, в настоящее время исчезнувший) «убеждены, что в земле таится что-то божественное» (*sind der Meynung, das in der Erden was Göttliches stecke PrPř III 544, 545*). Эту же мысль акцентировал и Владимир Топоров в XXI веке, опираясь, в основном, на материалы славянского фольклора и мифологии: «У земли есть что-то божественное [...]» (Топоров 2000: 265). Тенденция обожествления земли, раскрывающаяся в традициях разных народов, отмечена и в мифологических энциклопедиях (FWSD: 334; МНМ I: 466, 467; МЕ II: 490).

Казалось бы, к настоящему времени все воззрения о божественном начале Земли / Жемины в наших краях давно должны были исчезнуть. И тем не менее во время одной из экспедиций 2011 г. респондент Ядвига Белевичене-Мечкаускайте (*Jadvyga Belevičienė-Mečkauskaitė*) (род. в 1921 г.), встреченная собирателями в городке Онушкис (Тракайский р-н), утверждала, что благодаря своей святости и тому уважению, которое оказывают ей люди, земля приравнивается к Богу: *Nu taip, žamė šventa, žinia, kad šventa. Sakydavo, kad žamė šventa. <...> Žamė buvo taip kaip Dievas* 'Ну да, земля святая, знамо, что святая. Говаривали, что земля святая <...>

Земля была такая же, как Бог'. Сравним это утверждение со словами другого респондента, записанными намного раньше в городке Дусятос (Зарасайский р-н): *Žemę lygina su Dievo garbe ir ją labai gerbia. Seniau melsdamies bučiudavo žemę kaip šventą daiktą* ' Землю по значимости приравнивают к Богу и очень её почитают. Раньше, во время молитвы, целовали землю как священный предмет' (BIR I: 4, № 11).

Представитель архаического общества верил, что едва ли не в каждом объекте окружающей среды заключено божественное начало. В земле или в пшеничном колосе скрывается Жемина — так же, как, по словам Эмиля Дюркгейма, «Зевс прячется в каждой капле дождя и Церера в каждом снопе урожая». Следовательно, божественная сущность может не только представляться в конкретном и осязаемом виде, но и трактоваться как некая абстрактная сила, которая проявляется в пространстве и «прячется в каждом из своих творений» (Durkheimas 1999: 222). Примерно такой же концепции придерживался и Тадеуш Зелинский, утверждавший, что эллин чувствовал и видел бога «в желтеющей ниве, в душистой роще, в наливающейся благодати плодового сада» (Zieliński 2011: 21). Возможно, что и литовец, как древний грек или римлянин, обращался к природному объекту (в данном случае — к земле) отчасти как к божеству, веря, что в каждой комке земли, в каждой её песчинке таится божественное начало Жемины.

То, что Жемина относилась к пространству религиозных явлений и реалий, подтверждает её связь с мантикой¹ и особенно с магией. Концепция земли как некоей сущности, наделённой магическими и мантическими силами, содержащаяся в народных верованиях и в античных письменных источниках, была выявлена и акцентирована в первой половине XX в. религиоведом Антоном Майером. По его мнению, магические и мантические явления вычленяют необычные, завораживающие артефакты из низкой реальности, демонстрируют что-то особое, таинственное, связанное с «иным» миром (Maier 1936: 12). Таинственные мантические силы земли манифестируются как своего рода откровение, воплощение того, что незримо и загадочно — так же, как сны и пророчества

---

¹Мантика — искусство предсказания будущего, гадание.

(Там же: 13). Верования, связанные с подобной идеей, существовали в античной традиции и заключались в следующем: чтобы ощутить мантические силы Земли, необходим тесный контакт человеческого тела с землёй. Желая увидеть пророческий сон, адепты ходили по земле босыми ногами или лежали на ней всем телом. Некоторые упоминания об этом содержатся в трагедии Софокла «Трахинянки»:

«Теперь узнай, как древнее вещанье / Подтверждено другим, совсем недавним. / У горцев селлов, спящих на земле, / Я записал слова, что провещал мне / Глаголющий листвою Зевсов дуб. / Он предсказал, что время на исходе / И ряду тяжких подвигов моих / Пришёл конец. Я думал, буду счастлив... / Но, видно, разумел он смерть мою: / Ведь для умерших нет уже трудов» (Софокл, «Трахинянки» 1166—1169).

В данном фрагменте — рассказе Геракла — следует обратить внимание на то, что он увидел в горной роще селлов, «спящих на земле». Таким образом, проводились особые религиозные обряды. В комментариях переводчик отмечает, что селлы — это жрецы-предсказатели оракула Зевса, предсказывавшие будущее по шелесту листьев священного дуба. Чтобы быть ближе к Земле, они не мыли ноги и лежали на голой земле (Dambrauskas 1984: 323). Следовательно, в Древней Греции существовали люди (возможно, служители культа), которые были толкователями явлений, связанных с мистическими силами земли. Об этом свидетельствует их особая религиозная практика, требовавшая прямого соприкосновения адепта с землёй — чтобы почувствовать значимые для него сигналы, передающиеся из земных глубин к лежащему телу.

Балты тоже отмечали особые внутренние (возможно, отчасти и мантические) способности земли. Об этом свидетельствуют данные о Матери-Земле (*Zemes Māte*), собранные и систематизированные исследователями латышской мифологии. Например, Якоб Ланге отмечает: «Мать-Земля [*semmes mahte*], она правит под землёй, поэтому к ней обращаются, если что-то пропало» (BRMŠ IV: 170). В другом месте тот же автор пишет: «в земле [господствует — Н. Л.] *Semmes Mahte* 'Мать-Земля', к ней и сейчас в шутку обращаются с вопросом, когда что-то как сквозь землю провалилось или потерялось» (BRMŠ IV: 184). Опираясь на процитированные верования, можно сделать вывод, что

в воле латышской Матери-Земли, которой принадлежали подземные владения, было раскрыть тайны, связанные с потерянными или «провалившимися сквозь землю» вещами. То, что в этих случаях обращались к персонифицированной правительнице земли, представляется убедительным и логичным.

Жемину как божество характеризует её связь с ценностными и этическими принципами традиционного общества. В. Топоров, представляя славянскую, а по сути — русскую концепцию Матери-Земли, утверждал, что Земля была объектом соответствующей морально-религиозной системы и что Мать-Земля являлась высшим нравственным авторитетом, выросшим из обязанности-необходимости, ставшим порядком-правилом, той последней высшей инстанцией, перед которой ощущали ответственность, на суд которой выносили то, что не могло быть решено иначе (Топоров 2000: 269, 272).

В сознании литовцев связь Земли с правосудием и даже её способность судить (функция, вообще свойственная божеству) — очевидна. Эта мысль отчётливо проявляется в разговорной речи, особенно во вставляемых в неё паремиях. В выражениях, ставших фразеологизмами, часто высказывается убеждение, что Земля, считающаяся святой, не индифферентна к негативной профанности, а также эмоционально констатируется несовместимость святости Земли и человеческой деструктивности: *Kar šventa Žemyna tokius velnius nešioja?* (Как святая Жемина таких чертей носит?) *Drsk* (LKŽK: *žemyna* / жемина); *Kaip tau švinta žemė nešioja!* (Как тебя святая земля носит!) (Дусятос, LTR 1661/110). В ругательствах говорится и о наказании жемины, когда она захватывает, «глотает» человека: *Kad tave šventa žemyna prarytų!* (Чтоб тебя святая жемина проглотила!) Lp; *Kad tau žemyna suėstų tokį žmogutėlį!* (Чтоб тебя жемина сожрала, такого человечешку!) *Ndž* (LKŽe, *žemyna* / жемина). *Kad tau siera žemynika praryt!* 'Чтобы тебя сырая жеминика (уменьш. от «жемина») проглотила!' Arm (LKŽe, *žemynika* / жеминика); *Kad tave skradžiai žemėn paimtų!* — *toks keiksmas buva. Kad tu nusmegtum gilumon žemės, kaip prakeiktas, jei ką bloga darai* 'Чтоб тебя сквозь землю взяли! — такое ругательство было. Чтоб ты провалился глубоко под землю, как проклятый, если что-то плохое делаешь' (д. Швентупе, Укмергский р-н, LTR 7785/22); *Kad tu kiaurai žemę prasmegtum!* 'Чтоб ты сквозь землю провалился!' Jnš (LKŽe: *žemė* / земля).

В сказаниях нетерпимость Земли к человеческой аморальности отражается в сюжетах, где Земля исполняет роль оценивающего субъекта: не принимает безнравственных людей в случае их смерти, которая наступает их как наказание. В сказании о жившем в Упите боярине Чичинскасе повествуется, что после того, как жестокого барина убило громом и его похоронили, земля отказывалась его принимать и выбрасывала на поверхность: *Užmušus Čičinską perkūnui, jį palaidojo, bet žemė jo nelaikė, išmetė ant viršaus. Paskui jį buvo užkasę vėl kelis kartus, bet žemė jį vis išmesdavo* 'Когда Чичинскаса убило громом, его похоронили, но земля его не держала, выбросила наверх. Потом его снова закапывали несколько раз, но земля всё равно его выбрасывала' (Паневежский уезд, KerbŽA: 117—118, № 260). Аналогичная трактовка представлена в другом варианте процитированного выше сказания: *Kai [Čičinkas — N. L.] išvažiavo iš bažnyčios, kilo audra ir perkūnas jį nutrenkė. Jo kūno jokiu būdu negalėjo palaidoti, būdavo, tai ranką, tai koją iškiša* 'Когда [Чичинскас — Н. Л.] выехал из костёла, поднялась буря и его убило громом. Его тело никак не могли похоронить, бывало, то рука, то нога высовывается' (Линкува, Шяуляйский уезд, KerbŽA: 118, № 261).

В качестве сознательного субъекта, в котором воплощены воззрения социума и его нравственные принципы, Земля по-своему реагирует (несомненно, в переносном смысле) и на другие нарушения моральных норм. Её реакция может изображаться в гиперболизированном (и при этом несколько наивном) виде: *Už grašį gėrė — Žemė drebėjo, Už antrą kad gėrė — Kalbėti pradėjo: — Oi panos panos, ką tai dūmojat, Rūtų vainikėlį Po kojų muniojat* 'За грош пили — Земля дрожала, За второй когда пили — Говорить начала: — Ой, девицы, девицы, что ж вы думаете, Рутовый веночек Ногами топчете' (LTR 3413/78; подробнее об этом см. Ūsaitytė 2003: 117—119). Видимо, Земля могла выполнять все функции смотрящего, наблюдающего и оценивающего субъекта, а фактически — функцию судьбы человечества.

То, что Жемина была связана с кодексом человеческой морали, осью которого является принцип правды и справедливости, прекрасно иллюстрирует рассказ ещё одного респондента. Марите Сакалавичене-Шимелёните (*Marytė Sakalavičienė—Šimelionytė*) (род. в 1929 г.) родом из земель этнической Литвы — Лидского края. Она вспомнила, что когда-

то у её бабушки была привычка: когда та хотела сказать истинную правду, то поворачивалась к переднему углу, где висели святые картины, и, сложив руки, обращалась к Матери-Жемине:

[Ar bobuté minédavo Žemyna?] *Minédavo*. [O kaip sakydavo, koks posakis buvo?] *Nu, jos tokia kaip prietara buvo, kai šventa jau ji. Nu, kaip pasakius... Pažiūri an paveikslo ar jau nori tokių teisybę pasakyt jau tikrų, tai rankas suėmus... Va šitėp sudeda rankas ir sako: „Ak Žamyna, mano motina“.* [А бабушка упоминала Жемину?] Упоминала. [А как говорила, какое было присловье?] Ну, у неё такое как бы поверье было, что она уж святая. Ну, как сказать... Посмотрит на картину, или уж если хочет какую истинную правду сказать, так руки сложивши... Вот так руки складывает и говорит: «Ах, Жемина, мать моя»' (Д. Дубиняй, Вороновский р-н, LTR 7784/41).

Это один из возможных случаев сосуществования религий, отражающий сочетаемость различных с религиозедческой точки зрения святынь. Сакральный угол дома мог быть своего рода алтарём, местом культа, которое время от времени использовалось для почитания как языческих, так и христианских божеств. Кроме того, представленный эпизод народной набожности (без учёта других примеров) наводит на мысль, что не только в системе воззрений христианской религии, но и в более раннем мировоззрении такие понятия, как правда, гармония, нравственность и божество, могли коррелировать между собой. В образ божества, к какой бы религии оно ни принадлежало — древней или более поздней — нередко вплетается принцип правды. Вера в правду, по словам Мартина Бубера, является «всепоподдерживающим началом» (Vuber 1998:164).

Такую же функцию выполняет и вера в божество. Согласно этой точке зрения, правда и божество являются близкими по своему содержанию понятиями. Сам Бог, по словам Т. Зелинского, и есть правда. «В Боге заключена правда и в правде заключён Бог» (Zieliński 2011: 140—141). В истории религий известны случаи, когда Бог является в правде. Одному из учителей пифагорейской школы приписывается известный ответ на вопрос: «Когда человек больше всего похож на Бога? — Когда он говорит правду» (Там же). Видимо, земля, которая когда-то вызывала у наших давних предков множество неподвластных разуму вопросов, со временем, а также под воздействием религиозного

опыта, обрела связь с соответствующей идеей (даже с целой системой идей), и стала особой, с аксиологической точки зрения, реалией, получившей статус божества. Появилось убеждение, что в Жемине — «земле» заключены некие сверхъестественные внутренние силы. Земля, названная словом Жемина, могла восприниматься как особая стихия, не только обладающая грубой и реальной вещественностью, но и содержащая в себе скрытые духовные субстанции, силы божественного происхождения, дающие начало хтонической жизни и постоянно и ритмично ее репродуцирующие. Мы признаём реальной и возможной эволюцию человеческой мысли от жемины, общеупотребительного слова, до Жемины, наименования божества. Однако в период распада древних верований был возможен и противоположный ход мысли: от концепции Жемины как божества до секуляризированной, утратившей сакральное начало жемины «земли».

Источники

BRMS̄ — *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, sudarė Norbertas Vėlius, t.4: XVIII amžius, Vilnius, 2005 <Источники религии и мифологии балтов, составитель Норбертас Велюс, т. 4: XVIII век, Вильнюс, 2005 >.

KerbŽA — *Žemės atmintis: Lietuvių liaudies padavimai*, parengė Bronislava Kerbelytė, iliustracijas parengė Vykintas Vaitkevičius, Vilnius, 1999 <Память земли: Литовские народные сказания, подготовила Бронислава Кербелите, иллюстрации подготовил Викинтас Вайткавичюс, Вильнюс, 1999>.

LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas*, t. I—XIX, Vilnius, 1956—1999, t. XX, Kaunas, 2002 <Словарь литовского языка, т. I—XIX, Вильнюс, 1956—1999, т. XX, Каунас 2002 >.

LKŽe — *Lietuvių kalbos žodynas: Elektroninis variantas*, [t. I—XX, 1941—2002], prieiga per internetą: <www.lkz.lt>, cituojant nurodomas antraštinis žodis <Словарь литовского языка: Электронный вариант [т. I—XX, 1941—2002], доступ через интернет www.lkz.lt, при цитировании указывается заглавное слово>.

LKŽK — *Lietuvių kalbos žodyno kartoteka* Lietuvių kalbos institute <Картошка Словаря литовского языка в Институте литовского языка>.

LTR — *Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas* <Архив записей литовского фольклора в Институте литовской литературы и фольклора>.

PrPĭ — Matas Pretorijus. *Prūsijos įdomybės, arba Prūsijos regykla, = Deliciae Prussicae, oder Preussische Schaubühne*, t. 3, sudarė Ingė Lukšaitė, Vilnius, 2006 <Матфей Преторий. *Интересные места Пруссии, или Зрелище Пруссии = Deliciae Prussicae, oder Preussische Schaubühne*, т. 3, составитель Инге Лукшайте, Вильнюс, 2006 >.

Литература

Balys Jonas 1998. *Raštai*, parengė Rita Repšienė, t. 1, Vilnius <Балис Йонас 1998. *Сочинения*, подготовила Рита Репшене, т. 1, Вильнюс>.

Beresnevičius Gintaras 2001. *Trumpas lietuvių ir prūsų religijos žodynas*, Vilnius <Береснявичюс Гинтарас 2001. *Краткий словарь религии литовцев и пруссов*, Вильнюс>.

Buber Martin 1998, *Dialogo principas II*, vertė ir įvadą parašė Tomas Sodeika, Vilnius: Katalikų pasaulis <Мартин Бубер 1998, *Принцип диалога II*, перевел и написал введение Томас Содейка, Вильнюс: Католический мир>.

Dambrauskas Antanas 1984. *Paaiškinimai*, kn. Sofoklis, *Tragedijos*, iš senosios graikų kalbos vertė Antanas Dambrauskas, Vilnius, 1984, p. 304-323 <Антанас Дамбраускас 1984. *Примечания*, кн. Софокл, *Трагедии*, с древнегреческого языка перевел Антанас Дамбраускас, Вильнюс, 1984, с. 304—323>.

Durkheimas Émile 1999. *Elementarios religinio gyvenimo formos*, Vilnius <Эмиль Дюркгейм 1999. *Элементарные формы религиозной жизни*, Вильнюс>.

FWSD — *Funk&Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*, vol. 1-2, New York, 1949—1950.

Mayer Anton 1936. *Erdmutter und Hexe: Eine Untersuchung zur Geschichte des Hexenglaubens und zur Vorgeschichte der Hexenprozesse*, München — Freisingen.

ME — *Mitologijos enciklopedija*, t. 2, Vilnius, 1999 <Мифологическая энциклопедия, т. 2, Вильнюс, 1999>.

Sofoklis, *Trachinietės*, kn. Sofoklis, *Tragedijos*, iš senosios graikų kalbos vertė Antanas Dambrauskas, Vilnius, 1984 <Софокл, *Трахинянки*, кн. Софокл, *Трагедии*, с древнегреческого языка перевел Антанас Дамбраускас, Вильнюс, 1984>.

Toporov Vladimir 2000. *Baltų medžiaga baltų-slavų mitologinio Žemės Motinos vaizdinio rekonstrukcijai — *Zemja & *Mātē*, kn. Toporov Vladimir, *Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai*, sudarė Nikolai Mikhailov, Vilnius, p. 252—278 <Топоров Владимир 2000. *Балтийский материал к реконструкции балто-славянского*

образа Матери-Земли *Zemja & *Mātē, кн. Топоров Владимир, *Исследования в области балтийской мифологии и ритуала*, составитель Николай Михайлов, Вильнюс, с. 252—278>.

Ūsaitytė Jurgita 2003. Žemės įvaizdis kaip vertės matas: stabilumo ekspresija. <Юргита Ушайтите 2003. Образ Земли как мерило ценности: экспрессия стабильности>.

Tautosakos darbai, [т.] XIX [XXVI], p. 107-121 <Труды по фольклору, [т.] XIX [XXVI], с. 107-121>.

МНМ — *Мифы народов мира*, т. 1—2, гл. ред. С. А. Токарев, Москва, 1980, 1982.

Топоров В.Н. 2000. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери *Zemja & *Mātē (*Mati), кн. *Балто-славянские исследования 1998—1999*, XIV, Москва.